

Л.А.Юрчук

ОБРАЗ КУКУШКИ В ЛЕГЕНДАХ ПСКОВСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА ФГБОУ ВО «ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»)

На материале легенд фольклорного архива Псковского государственного университета, записанных в ходе фольклорных экспедиций 1999—2017 гг., представлены результаты анализа псковских легенд о кукушке. Автором выявлен круг мотивов, встречающихся в псковских легендах о кукушке, и варианты сюжета и установлено, что центральным мотивом псковских легенд о кукушке является мотив оборотничества, реализующийся в двух вариантах: превращение человека в птицу, происходящее в легенде вследствие нарушения связей мать-дитя, и превращение кукушки в иных птиц. Данный мотив в разных текстах дополняется другими этиологическими мотивами (происхождение растения «кукушкины слезки», красного мха, объяснение характера издаваемых кукушкой звуков — кукования), а также мотивом пропажи ключей. Исследование показало, что, являясь превращенным человеком, в своей птичьей ипостаси кукушка псковских легенд сохраняет способность к оборотничеству, чем объясняется ограничение периода ее активного самопроявления (кукования).

Ключевые слова: фольклорные легенды, этиологические легенды, мотив оборотничества, кукушка в фольклорных легендах

Среди образов-символов славянской культуры, сохраняющих мифологические представления о мироустройстве, образ кукушки обладает особенно ярко выраженной индивидуальностью, что свидетельствует о важности этого образа в системе древнего мировосприятия. Символическое значение кукушки в культуре славян становилось предметом изучения в трудах отечественных и зарубежных ученых, обращавшихся в своих исследованиях к данному образу с разных методологических позиций. О месте кукушки в обрядовой системе и о ее связи с низшей демонологией писала В.К.Соколова [1]; на локальном материале изучали данный образ В.Н.Добровольский [2; 3], Т.А.Бернштам [4]. Свод данных об образе кукушки и перечень связанных с нею фольклорных сюжетов представлен в монографии А.В.Гуры [5]. Тексты фольклорных легенд приводятся в сборниках «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. О.В.Беловой» (М., 2004) и «У истоков мира: Русские этиологические сказки и легенды / Сост. О.В.Беловой, Г.И.Кабаковой» (М., 2015). Русско-славянские взаимосвязи на материале фольклора о кукушке осмысляются в монографии А.В.Никитиной «Кукушка в славянском фольклоре» (СПб., 2002), которая является наиболее полным в отечественной фольклористике систематическим исследованием образа-символа кукушки в славянской культуре. В ней представлена функциональная специфика образа, отмечены различия в его восприятии, свойственные отдельным культурным традициям; материалом исследования являются преимущественно песенные формы.

В настоящей работе осмысляется локальная трактовка образа-символа кукушки на основе легенд псковского края из собрания фольклорного архива Псковского государственного университета (далее — ФА ПсковГУ). Основной объем текстов записан в ходе фольклорных экспедиций 1999 г. в Пыталовский район, 2015 г. в Бежаницкий район и 2017 г. в Себежский район. Единичные записи сделаны в Невельском, Локнянском, Порховском, Палкинском, Островском и Новосокольническом районах.

Большинство информантов сообщают о том, что рассказы о кукушке они слышали от своих старших родственников и иногда воспроизводят обстановку рассказывания:

«Моей маме отец. <...> Вот она, бывало, рассказывает: до войны, ещё до войны. Керосину-то не было, с лучышкой сидели. Вот, бывало, она залезет на печку, вяжет там в потёмках. Нас в сямье было пять человек. <...> И вот она рассказывала, что ейный отец работал ў церкви старостой. <...> И вон он, бывало, вот эти причуды все рассказывала яна» (зап. в 2008 г. в д. Иваново Нев. р-на, инф. 1934 г.р.).

Иногда ссылку на стариков заменяет указание на широкую известность легенды: «Сказка здесь есть какая-то про кукушку и растение *кукушкины слёзки*».

Жанровое обозначение своему рассказу информанты дают редко. Зафиксированные нами определения «сказка» (Локн. и Себеж. р-ны) и «причуды» (Нев. р-н) акцентируют внимание на необычности сюжета, наличии в нем элементов чудесного (мотив оборотничества).

На широком славянском материале А.В.Никитина показала, что кукушка — мифологизированная птица с женской символикой, превращение женщины в кукушку легенды связывают с нарушениями семейно-родственных или внутривидовых отношений, условием оборотничества является проклятие или чрезмерное выражение горя [6]. Материал ФА ПсковГУ не содержит примеров превращения в кукушку вследствие нарушения брачных отношений. В легендах о происхождении кукушки из собрания ФА ПсковГУ причиной оборотничества становится нарушение связи мать-дитя. Эти рассказы можно отнести к области народной морали и рассматривать в качестве иллюстрации наказания за нарушение запретов или нравственно-этических норм. В зависимости от того, какой именно запрет или норма нарушаются, варианты сюжета можно условно разделить на три группы.

I. Слишком долгое горевание по умершему.

«<...> када яна умерла <...> Дочка, наверно. <...> И вот она так плакала, так плакала! <...> и день, и ночь, и дома, и на кладбишчэ, и везде ўсё ходила и плакала. Вот ей пришёл старичок и говорит: “Нельзя плакать”. А яна всё равно не унимается. И раз сказал, и друуой раз. А на третий раз сказал: “Ну, — говорит, — и кукуй ты изныне до веку. И у тебя, ты своих детей ня будешь растить, раз ты так плачэшь”» (зап. в 2008 г. в д. Иваново Нев. р-на, инф. 1934 г.р.).

Сюжет широко известен в славянском мире и отражает представление о том, что слишком сильное горевание по умершему является грехом и может стать причиной проклятия, которое является последним средством остановки чрезмерного выражения горя, пагубного для души умершего. Символизация образа кукушки в этом аспекте нашла отражение в языке: «у глаголов, обозначающих кукование (рус. *куковать*, с.-х. *кукати*), имеется значение 'плакать, горевать, причитать, жаловаться'» [7, с. 39].

Невельский текст дает мотивировку отсутствия у кукушки своего гнезда. В соответствии с общей у славян традицией позитивного отношения к кукушке информант выражает сочувствие героине своего рассказа:

«А яшшо́ как же тут была у меня, был стишок такой:

Не верьте, что кукушка

Не любит кукушонка сваяво́.

Ошибся Бог <...> не дал кормушку...

И не́уде ей кормить его» (зап. в 2008 г. в д. Иваново Нев. р-на, инф. 1934 г.р.).

Один из вариантов сюжета дополнительно содержит этиологический мотив происхождения растения *кукушкины слезки*: «И она плакала-плакала, плакала-плакала, и появилось растение *кукушкины слёзки*» (зап. в 2014 г. в д. Славковичи Порх. р-на, инф. 1993 г.р.).

II. Отсутствие у детей сострадания к больной матери.

Записями из Себежского, Локнянского и Порховского районов представлен сюжет о превращении в кукушку больной матери, не получившей помощи от детей, свойственный белорусской гомельской и литовской традициям [7, с. 37; 8] и отражающий общее для славян представление о птице как о воплощении души умершего:

«Было у одной бедной женщины пятеро детей. <...> И вдруг заболела мать. Заболела, лежит одна в комнате, а ребята играют. Зашёл один. Просит она: «Сынок, дай попить». Не послушал он голоса матери, убежал. Другой зашёл. «Сынок, дай хоть корочку хлеба». И этот ничего. Заигрались ребята. Вот лежала, лежала мать. Помолилась она ўсподу Бо́гу и превратилась кукушкой. Вылетела в открытую форточку и полетела» (зап. 2002 г. в д. Подберезье Локн. р-на, инф. 1930 г.р.).

В данном тексте превращение женщины в кукушку — следствие вмешательства высшей силы: «Помолилась она ўсподу Бо́гу и превратилась кукушкой».

В одной из записей сюжета присутствует указание на этиологию красного мха: бросившиеся вслед за улетающей матерью-кукушкой дети «себе все ноги изрезали, и вырос красный мох» (зап. в 1991 г. в д. Асташково Себеж. р-на, инф. 1907 г.р.). Сочетания в легендах зоогонического мотива происхождения кукушки с иными этиологическими мотивами (появление растения «кукушкины слезки», красного мха) является косвенным указанием на глубокую древность рассматриваемых сюжетов, посредством которых древний славянин объяснял устройство окружающей его природной и социальной стихии.

III. Материнское проклятие.

Мотив превращения в кукушку проклятого матерью ребенка отмечен на болгарском [7, с. 37], сербском, македонском [6, с. 124], литовском материале [8]. В ФА ПсковГУ легенды, в которых превращение становится следствием материнского проклятия, составляют наиболее обширный корпус легенд о кукушке: они записаны в Пыталовском, Печорском, Новосокольническом и Себежском районах области. Часть из них содержит только краткую информацию о проклятии: «Проклятый уже, няшчасный дятё» (зап. в 1999 г. в д. Максимково Пыт. р-на, инф. 1911 г.р.), «Проклёныш за 12 дней до Ягория начне куковать» (зап. в 1999 г. в д. Бубнево Пыт. р-на, инф. 1912 г.р.). Аналогичные краткие сообщения записаны в Печорском и Новосокольническом районах экспедицией Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербурга [9, с. 400; 10, с. 179]. В 1999 г. трех деревнях Палкинского и Пыталовского районов от информантов 1923, 1925 и 1933 гг.р. записана распространенная в данной местности песня, подтверждающая отмеченное представление:

Кукушечка, не плачь,

Проклянула тебя мать.

Проклянула и сказала

Тебе по лесу лятать.

Привнося в легенду песенные элементы, информанты усиливают лирическую окраску рассказа, выражают сочувствие его героям. Излагая данный сюжет, М.П.Симофорова заметила, что проклятый ребенок может превратиться не только в кукушку, но и в соловья: «И соловей, говоря, проклянутая птица. <...> Да, стал кукушкой... Не обязательно кукушкой» (зап. в 1999 г. в д. Ситки Пыт. р-на, инф. 1923 г.р.). Это единственное обнаруженное нами замечание встраивается в систему славянских представлений о родственных отношениях кукушки и соловья, фиксирующихся в Полесье [6, с. 97] и на смоленской земле [3, № 39], где по слову матери ее сын превращается в соловья, а дочь (либо сама мать) в кукушку.

В нескольких текстах сюжет, иллюстрирующий силу проклятия, дополняется этиологическим мотивом, объясняющим кукование как зов женщины, разлученной с близкими (на болгарском и смоленском материале подобные примеры приводят А.В.Гура [7, с. 36] и В.Н.Добровольский [2, с. 276-277]):

«Говорила моя свекрова: когда “Оксюк, Максюк, Кузюк, Оксюк, Максюк, Кузюк”, — это кукушка кукует так. Она прокляла своих трёх детей. И из этого человека сделали кукушку. <...> Она, щас которая прокляла, щас про них вспоминает» (зап. в 2016 г. в Себеж. р-не).

В данном тексте проклятие обернулось на мать проклятых детей, однако чаще в птиц обращаются именно дети:

«А кукушку, ну эта старинная сказка, прокляла мать. Была девочка, мать ушла на работу, а она замкнула хату и потеряла ключи. <...> А мать её рассердивши с работе прибегла, и “Будь ты, — говорит, — проклята!” И она обратилась птичкой и полетела. И вот ведь кукует, ну похоже. Уж думала, что ключи положила где-то в куту́ и маме сообщает: “Ку-ку, ключи в куту́! Ключи в куту́!”» (зап. в 2016 г. в д. Дедино Себеж. р-на);

«Говорила мама моя, что у матери был сын. Яку́б звали этого сына. Ну, и сын, как бы, я не знаю, ушёл он куда-то, двери закрыл, а ключ куда-то положил. И мать не могла этот ключ найти. <...> она его на́чала клясти́, что “чтоб ты провалился, чтоб ты куда-то от меня делся”. Ну и вот. И он, якобы, вот этот вот Якуб превратился ў кукушку. А когда она посмотрела, куда они это всё время ключ клали — ключ на месте. Она вышла и на́чала его звать, что, мол... Вот она и кукует: “Ку-ку! Ку-ку!” Она и говорит: “Якуб! Ключ тут!”» (зап. в 2006 г. в д. Литвиновка Себеж. р-на, инф. 1932 г.р.).

Мотив пропажи ключей как присущий смоленским, белорусско-полесским, сербским этиологическим легендам зафиксирован В.Н. Добровольским [2, с. 277]: «Дачушка-какушка с тех пор и гукаить свайго брата, салавейку: “Мак-сим, вяр-нись: Клю-чи знай-шлись!”» и А.В.Гурой: «С тех пор кукушка неустанно зовет брата “Маак-сим (или: Я-куб), вяр-нись! Клю-чи знайш'лись!” (смолен., ЭО 1894/3:89)» [7, с. 36].

Мотив пропажи ключей в сюжете о происхождении кукушки, возможно, связан с бытующим на Украине и на юге России (на Псковщине не фиксируется) представлением об этой птице как «ключнице», хранительнице ключей от «вырея» — мифической райской земли на краю света, куда птицы удаляются на зиму [6, с. 64-65].

Приведенные легенды, отражающие мифологические представления древних о происхождении кукушки и отдельных видов растений, осложнены системой христианских взглядов на мир: в трех выше приведенных текстах акт превращения из человека в птицу совершается по воле Бога, а сами легенды являются наглядным выражением необходимости соблюдения норм семейной взаимопомощи и христианской этики.

Связанная в народных легендах с темой горя, утраты, кукушка наделяется рассказчиками способностью к сопереживанию. В Бежаницком, Новосокольническом, Локнянском районах экспедицией Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербурга записаны рассказы о том, что кукушка любит, когда человек голосит: «рассыпается [клекочет] и кукует», «как подлживает» [10, с. 179]. Подобное же представление отражает и одна из записей ФА ПсковГУ:

«Я знаю, что если вот заплачешь, так она то́жа будет куковать. Даже, говорят, садится на плячо́. Я вот помню, я ещё молодая была, там дома жи́ла. <...> Я играю в балалайку и пою, а песня такая, ну, печальная. Пою. Дак приляте́ла чуть ли не это. Вот на этот забор села к самому углу. Это, наверно, правда, что...» (зап. в 1999 г. в д. Артёмы Пыт. р-на, инф. 1922 г.р.).

Именно в причитаниях Псковской земли — «голошениях с кукушкой» — более всего проявляется природа кукушки как медиатора, посредника между миром живых и миром мертвых, откуда/куда она может принести весть: «Ана наверху́, наверно, знает», — замечает Т.И.Крестова, 1915 г.р., в д. Красная Гора Печорского района [9, с. 400]. «По народным представлениям птица воспринимается как связующее звено между “верхним” и “нижним” миром, поэтому ее вестничество считается чем-то само собой разумеющимся», — отмечает А.В.Никитина [6, с. 12]. Этим свойством птицы объясняется распространенная на Псковской земле традиция обращения к кукушке с вопросом о сроке смерти: «”Кукушка-кукушка, скажи, сколько мне лет жить?” Она: “Ку-ку, ку-ку, ку-ку”. О! Три года!» (зап. в 2016 г. в Себеж. р-не), а также связанные с ее первым кукованием приметы: кукование кукушки «на голый лес» — «к неурожаю» (там же) и др.

Являясь превращенным человеком, в своей птичьей ипостаси кукушка сохраняет способность к оборотничеству, чем объясняется ограничение периода ее активного самопроявления (кукования). Представления о начальном сроке кукования в разных славянских традициях варьируется и обусловлены особенностями климата. Псковичи наиболее часто сообщают, что куковать кукушка начинает за 12 дней до Егория, а заканчивает за 12 дней до Петра. Те же границы кукования отмечены на псковском материале экспедицией Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербурга [10, с. 179]. Указания на два названные срока, ограничивающие период кукования, достаточно популярны у славян. Непосредственно в таком сочетании (за две недели до Юрьева дня — Петров день) эти даты приводятся Н.Я.Никифоровским как характерные для представлений северных белорусов и южных русских [11, с. 194]. А.В.Гура указывает на последнюю из этих двух дат как на типичную для восточно-славянской, сербской, хорватской, македонской и болгарской традиций. В то же время единожды зафиксированное в наших записях указание на Иванов день ученый называет типичным для западно- и южнославянской традиций [7, с. 37].

Если срок начала кукования в народных рассказах никак не мотивируется, то внезапное исчезновение (замолкание) кукушки объясняется созревaniem к этому времени ячменя и одновременно связывается с ее

оборотничеством. Согласно распространенным на Псковщине представлениям, после Петрова дня (12 июля) «как колос распустился, то яна, говоря, колосом задавится э́тым, уже и с тех пор не кукуя с пол лета» (зап. в 1999 г. в д. Линово Пыт. р-на, инф. 1938 г.р.). Подобные же представления фиксируются не только у восточных славян, но и у поляков [7, с. 37]: подавившаяся ячменным зерном кукушка теряет голос и умолкает.

Помимо этого, окончание периода активного самопроявления кукушки в восточнославянском мире объясняется ее превращением в других птиц: ястреба, коршуна или кобчика (реже — в орла, сокола, сову), с которыми кукушка имеет внешнее сходство [5, с. 696-698]. «У этого представления весьма древние корни (В.Клиингер приводит цитаты о метаморфозах кукушки из Аристотеля и Плиния), и связано оно, прежде всего, с большим внешним сходством обеих птиц (окрас, размеры) и с единым “стилем” полета» [6, с. 90]. Информацию о превращении кукушки в ястреба содержат три псковские записи: «А мы всё шшытаём, говорим, от это такие маленькие-то ястребкí — это, никак, кукушка и лятаёт? Может, она... Только что не кукует» (зап. в 1999 г. в д. Артёмы Пыт. р-на, инф. 1922 г.р.); информант 1937 г.р. из д. Бор Новосокольнического района сообщает о превращении кукушки в сову (зап. в 2004 г.); наиболее же частотный псковский вариант — превращение кукушки в орла: «Кукушка просто обёрнется орлом осенью. Тогда нося цыпок» (зап. в 1999 г. в д. Тумасы Палк. р-на, инф. 1933 г.р.).

Представление о превращении кукушки в хищную птицу отражено во фразеологии разных славянских народов: ср. полес.-хорв. соответствия: «До Пэтра (летом) куе, а по Пэтру (зимою) куры бье (дерэ)» [7, с. 37-38; 6, с. 48]. Имеются и соответствующие псковские примеры: «До Пятра кукуя, с Пятра цыплят ворую» (зап. в 2015 г. в д. Железно Беж. р-на, инф. 1941 г.р.), «Вот это вот и говорят, что кукушка вясной “ку-ку”, а осенью курицу уволоку» (зап. в 2016 г. в д. Дедино Себеж. р-на).

Таким образом, анализ псковских легенд ФА ПсковГУ, записанных в ходе фольклорных экспедиций 1999—2017 гг., позволил выявить круг сюжетных вариантов псковских легенд о кукушке. С одной стороны, легенды о кукушке объясняют ее этиологию и некоторые особенности поведения (отсутствие собственного гнезда, откладывание яиц в чужие гнезда, характер издаваемых ею звуков — кукования). Псковские легенды объясняют происхождение кукушки оборотничеством (кукушка — превращенная женщина, причиной которого становится нарушение связи мать-дитя и определенных нравственно-этических норм. Варианты сюжета выделяются в зависимости от того, какой именно запрет или норма нарушаются участниками событий: запрет на слишком долгое горевание по умершему, отсутствие у детей сострадания к больной матери или материнское проклятие. Являясь превращенным человеком, в своей птичьей ипостаси кукушка псковских легенд сохраняет способность к оборотничеству, чем объясняется ограничение периода ее активного самопроявления (кукования): после Петрова дня кукушка превращается в другую птицу (орла, ястреба) и уносит цыплят.

1. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX — начала XX в. М.: Наука, 1979. 288 с.
2. Смоленский этнографический сборник. Т. XX. Ч. I / Сост. В.Н.Добровольский. СПб., 1891. 743 с.
3. Смоленский этнографический сборник. Т. XX. Ч. II / Сост. В.Н.Добровольский. СПб., 1893. 720 с.
4. Бернштам Т.А. Обряд «крещение и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология: сб. статей / Лтв. ред. Б.Н.Путилова. Л.: Наука, 1981. С. 179-203.
5. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
6. Никитина А.В. Кукушка в славянском фольклоре. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 176 с.
7. Гура А.В. Кукушка // Славянский древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 36-40.
8. Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этиологических, мифологических сказаний и преданий. СПб.: Европейский Дом, 2001. 606 с.
9. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. Т. 1. Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. 688 с.
10. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. Т. 2. Псков: Издательство Областного центра народного творчества, 2002. 813 с.
11. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Собр. Н.Я.Никифоровский. Витебск, 1897. 221 с.

References

1. Sokolova V.K. Vesenne-letnie kalendarnye obryady russkikh, ukrainsev i belorusov XIX — nachala XX v. [Spring-summer calendar rites of Russians, Ukrainians and Byelorussians of 19th — early 20th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 288 p.
2. Dobrovol'skiy B.N., comp. Smolenskiy etnograficheskiy sbornik [Smolensk ethnographic collection]. St. Petersburg, 1891, vol. XX, part I. 743 p.
3. Dobrovol'skiy B.N., comp. Smolenskiy etnograficheskiy sbornik [Smolensk ethnographic collection]. St. Petersburg, 1893, vol. XX, part II. 720 p.
4. Bernshtam T.A. Obryad “kreshchenie i pokhorony kukushki” [The rite called “Baptizing and burying the cuckoo”]. In: Putilov B.N., ed. Coll. of papers “Material'naya kul'tura i mifologiya”. Leningrad, 1981, pp. 179-203.
5. Gura A.V. Simvolika zhiivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii [Animal Symbolism in Slavonic Folk Tradition]. Moscow, 1997. 912 p.
6. Nikitina A.V. Kukushka v slavyanskom fol'klore [Cuckoo in Slavic folklore]. St. Petersburg, 2002. 176 p.
7. Gura A.V. Kukushka [Cuckoo]. Slavyanskiy drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. Moscow, 2004, vol. 3., pp. 36-40.
8. Kerbelite B. Tipy narodnykh skazaniy. Strukturno-semanticheskaya klassifikatsiya litovskikh etiologicheskikh, mifologicheskikh skazaniy i predaniy [Types of folk tales. Structural-semantic classification of Lithuanian etiological, mythological tales and legends]. St. Petersburg, 2001. 606 p.

9. Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoy oblasti: Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra [Traditional folk culture of the Pskov region: Review of field notes from the funds of the Folklore Ethnographic Centre.]. Vol. 1. Pskov, 2002. 688 p.
10. Narodnaya traditsionnaya kul'tura Pskovskoy oblasti: Obzor ekspeditsionnykh materialov iz nauchnykh fondov Fol'klorno-etnograficheskogo tsentra [Traditional folk culture of the Pskov region: Review of field notes from the funds of the Folklore Ethnographic Centre.]. Vol. 2. Pskov, 2002. 813 p.
11. Nikiforovskiy N.Ya., comp. Prostonarodnye primety i pover'ya, suevernye obyady i obychai, legendamye skazaniya o litsakh i mestakh [Folk omens and beliefs, superstitious ceremonies and customs, legends about people and places]. Vitebsk, 1897. 221 p.

Yurchuk L.A. Cuckoos in the legends of the Pskov region (based on the folklore archive of Pskov state university). The article presents the results of the analysis of the legends about the cuckoo recorded in the period from 1999 to 2017 for the folklore archive of Pskov State University. The author revealed the typical motifs and plots found in the Pskov legends about the cuckoo. The author comes to the conclusion that shapeshifting is the central motif of the Pskov legends about the cuckoo. This motif has two versions: transformation of a person into a bird due to the disruption of the bonds between mother and child, and transformation of the cuckoo into other birds. This motif in some texts is supplemented by other etiological motifs (e.g. the origins of the plant called "cuckoo tears", the origins of red moss, the explanation of the sounds produced by the cuckoo), as well as the motif of the loss of keys. Being a transformed human, the cuckoo in Pskov legends retains the ability to shapeshift. This explains the limitation of the period when the cuckoo is active in the wild.

Keywords: folklore legends, etiological legends, shapeshifting, cuckoo in folk legends.

Сведения об авторе. Любовь Алексеевна Юрчук — доктор филологических наук (10.01.01 — русская литература), профессор кафедры филологии, коммуникаций и русского языка как иностранного факультета русской филологии и иностранных языков ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»; ORCID 0000-0002-3749-1478; lk2185@rambler.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 16.08.2021. Принята к публикации 01.09.2021.

Ссылка на эту статью: Юрчук Л.А. Образ кукушки в легендах Псковского края (по материалам фольклорного архива ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет») // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 5(38). С. 583-587. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).583-587

For citation: Yurchuk L.A. Cuckoos in the legends of the Pskov region (based on the folklore archive of Pskov State University). *Memoirs of NovSU*, 2021, no. 5(38), pp. 583-587. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).583-587